

ЕКАТЕРИНА
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
ДВОР НА ПОВАРСКОЙ

Москва
2020

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р62

Художественное оформление *А. Рысухиной*

В оформлении книги использованы фотографии
из личного архива автора

На обложке книги использована иллюстрация *В. Резвина*

Рождественская, Екатерина Робертовна.

Р62 Двор на Поварской / Екатерина Рождественская. —
Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-109640-3

Екатерина Рождественская — писатель, фотохудожник, дочь известного поэта Роберта Рождественского.

Эта книга об одном московском адресе — ул. Воровского, 52. Туда, в подвал рядом с ЦДЛ, Центральным домом литераторов, где располагалась сырая и темная коммунальная квартира при Клубе писателей, приехала моя прабабушка с детьми в 20-х годах прошлого века, там родилась мама, там родилась я.

В этом круглом дворе за коваными воротами бывшей усадьбы Соллогубов шла особая жизнь по своим правилам и обитали странные и удивительные люди. Там были свидания и похороны, пьянки и войны, рождения и безумства. Там молодые пока еще пятидесятники — поэтами-шестидесятниками они станут позже — устраивали чтения стихов под угрюмым взглядом бронзового Толстого.

Это двор моего детства, мой первый адрес.

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рождественская Е., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109640-3

Пролог

Все наше счастье из детства. Даже если оно, это твоё счастье огромное, ждет тебя в будущем, все равно ничто с тем, детским, счастьем не сравнится. Вероятно, это основа, мудро заложенная природой, на которую потом спокойно может наслаиваться все: обиды, измены, глупости, гадости, страсти — но счастливая эта детская «подушка», довольно весомая и могучая, не дает раствориться и пропасть. В таких особых ситуациях мысли уходят в те, чуть подзабытые воспоминания, когда все твои родные еще живы, молоды и бес-

Усадьба Бодэ-Колычевых, начало 20 века.

печны, когда нет у тебя никаких забот, а по утрам тебя ждет бутерброд на завтрак из только что купленного белого хлеба с настоящей докторской колбасой (по ГОСТу!) и какао «Золотой ярлык», любовно приготовленные бабушкой. Или городская булочка за 7 копеек без изюма, хотя я больше любила с изюмом, называлась она почему-то калорийной и стоила уже 9 копеек — помните? Но калорий тогда никто особо и не считал. Изюминки были похожи на жучков, и я высчитывала, сколько жучков досталось моей булочке. И кстати, тогда была не булочная, а булошная...

Мой первый адрес детства: Поварская, 52, тогда еще улица Воровского. Вот что написано в одной умной книге по архитектуре про наш двор:

«Огромная классическая усадьба с обширным, сложной (приближенной к овалу) формы двором, со всех сторон окруженным низкими одноэтажными служебными постройками и двухэтажными жилыми флигелями, соединенными проездными арками. Главный дом — двухэтажный с мезонином, имеет торжественную пятичастную композицию. Его боковые ризалиты оформлены по сторонам спаренными дорическими колоннами, поддерживающими выступающий вперед карниз с аттиком. Эти боковые части соединены

с центральной небольшими террасными переходами на уровне второго этажа, украшенными тонкой кованой решеткой ограждения. Центр выделен мезонином под фронтоном с крупной геральдической композицией (в центре тимпана фронтона гербы родов Боды и Колычевых), поддерживаемым шестиколонным коринфским портиком. Интересна простая, но милая в своей доморощенности архитектурная обработка флигелей».

Как сухо, по-деловому и не совсем понятно о моем родном дворе, о таком красивом, удивительном месте! Доморощенная... Ничего она не доморощенная, обработка эта! И все во мне сразу восстает против такого описания — там все по-другому, правда!

И сразу волшебные, обволакивающие воспоминания: я, совсем еще мелкая, около трех, наверное, бегу (мимо шестиколонного коринфского портика) к папе, огромному, заслоняющему солнце, и он садится на корточки, чтобы мы оказались с ним на одном уровне, чтобы глаза в глаза, и он поднимает меня и подкидывает высоко-высоко, до облаков, а потом ставит на землю и показывает какие-то масляные железяки, обернутые коричневой бумагой. «Что это?» — спрашиваю. «Велосипед, — отвечает, — трехколесный, тебе же скоро три». «А потом будет четырехколесный, — спрашиваю, — и пяти? А у тебя сколькоколесный велосипед?» Мы смеемся и долго

с ним обдираем новый велик, снимая вонючую промасленную бумагу. Потом папа катает меня, согнувшись в три погибели, вокруг бронзового дядьки, который сидит на бронзовом постаменте, держит в руках бронзовую книгу и морщит свой бронзовый лоб. Звали его Дед Толстой — так мне тогда казалось. Я этого дядьку не любила, но мама рассказывала мне, что он писал длинные истории иногда про войну, иногда про мир и что у него была очень терпеливая жена, которая помимо того, что постоянно рожала ему детей, еще и переписывала по многу раз все его длинные истории. А потом ему все это надоело, он разулся, ушел из дому в народ, заболел и помер. И ему поставили почему-то у нас во дворе памятник. На нем все время сидели голуби и какали ему на голову. Мне это не нравилось.

Подвал

Воспоминания того подвала на Поварской очень отрывочны, я совсем тогда была крохой.

Помню наш микроскопический личный дворик прямо у входа в подвал, довольно мусорный и некрасивый физалис — «китайские фонарики», как звала его бабушка, — и высоченные, почти до неба, золотые шары около пузатого сарая с добром. Мне он казался именно пузатым, потому что из окон выпирали какие-то тюки с тряпьем, округлые, разноцветные, пропахшие чужой жизнью, плесенью и затхлостью. В сарай тот меня ни разу не впускали, — видимо, боялись, что может обрушиться гора из древних просиженных стульев, которые в комнату не помещались, а выкинуть было жалко, да и требовались они часто, когда приходили гости. У сарая — деревянная лавчонка на одну задницу, а вместо спинки — окно, за которым связки старых, еще довоенных «Огоньков». Окно всегда по-стариковски покряхтывало, когда баба Поля (на самом деле, не баба, а моя прабаба) высаживалась со

ДВОР НА ПОВАРСКОЙ

мной погулять под льющуюся из радиоприемника любимую песню:

*Воскресенье, день веселья.
Песни слышатся кругом.
С добрым утром, с добрым утром
И с хоро-о-ошим днем!*

*Уголок двора.
Внизу жил Юрка-милиционер*

Еще помню скрип лавки и запах сарая. Странно это, как человеческий мозг сортирует воспоминания! Для одних, совершенно незначительных и никчемных, отведено место в самом главном ящичке — хочешь не хочешь, а постоянно натыкаешься на них, вспоминая не прабабу, а окна сарайные и запах этот снулый. А потом раз и нет его, сгорел.

А для других, наиважнейших, полных событий и значимости, место, может, и есть где-то, но то ли на чердаке, то ли в подвале под завалами истлевших вкусов и ароматов, впечатлений и поступков — поди найди — не отыщешь, да не знаешь, что и искать. А сарай этот никудышный — вот он, перед глазами: зеленая облупившаяся краска на рамах, оконца, где с трещинками, где со сколами, где и вовсе слепые, и дверь, закрывающаяся на огромный загнутый гвоздь. Зачем мне это? Может, это и есть мой сарай воспоминаний, где уже всего навалом, одно на другом, вперемешку, не по правилам, случайно и неосознанно, и прабаба у двери цербером.

Двор наш был исторический, много разных сказок о нем рассказывали. А может, вовсе и не сказок, а правд. Прабаба Поля с прадедом Яковом поселились там с самого посленэповского времени, в середине двадцатых, когда насовсем переехали из Саратова в Москву.

Их вызвал младший сын, Ароша, Арон Яковлевич, который устроился работать в Клуб писателей по хозяйственной части. Каким-то чудом должность занял важную и хлебную — отправлял писателей в санатории и командировки, оформлял документы, распределял пайки, был главным по всему писательскому хозяйству. Делал это честно, не воруя, что во все времена было редкостью, и за это его уважали и ценили.

ДВОР НА ПОВАРСКОЙ

Вот и дали ему комнату в подвале Соллогубовской усадьбы рядом с Клубом писателей, чтоб далеко не ходил и был всегда при работе, а правильное сказать, под рукой. А через пару лет достойной службы он попросил выделить ему еще одну комнатенку для родителей, благо она только что освободилась: сосед, женившись, съехал в отдельную квартиру. Ароше пошли навстречу, дали жилплощадь в том же подвале круглого двора на

*Окна нашего подвала —
на уровне лужи*

Поварской, которую к тому времени переименовали в улицу Воровского.

Круглым двор наш стал не сразу, застраивался постепенно, почти весь девятнадцатый век, пока, наконец, уже к началу двадцатого не округлел совсем и не закрылся резной железной решеткой со спиральным рисунком, отвоевав нужную ему территорию. Вроде как заграбастал землю и замкнул руки. По обе стороны от ворот изначально располагались службы, каретные сараи, конюшни и всякие другие мастерские. Все они были одноэтажными, с широкими въездами со двора. Но потом, когда надобность в лошадях, и тем более в каретах, отпала, их перестроили под конурки для людей с длинной коридорной системой по обоим крыльям, выходящим на Поварскую. Комнатки хоть и были маленькими, как купе в поезде, нарезанными наугад, но выходили прямо на улицу и нередко освещались солнцем в отличие от подвалов, где в изобилии жили люди внутри двора по всей его окружности. Двор вмещал намного больше жильцов, чем казалось на первый взгляд. С улицы, если стоять за воротами, совершенно не было видно целой системы арочных проходов и двориков, входов и дверей, тупиков и муравьиных троп, переходов и закоулочков, которые обрамляли наш большой круглый двор. Народу там жило, дай боже, разных мастей и сословий, национальностей и вероисповеданий, профессий и судеб, вот так волею случая собранных в одном месте под защитой больших кованых ворот нашего двора на Поварской. Под

каждым окном обязательно что-то зеленело, но по желанию: у кого конский щавель и крапива, у кого георгины с гладиолусами, у кого лук-чеснок. Бывали даже жасмин, сирень и шиповник, благоухающий половину лета на весь двор. Красиво было, свежо и тенисто. Птицы жили, вёснами пели, даже ласточки залетали и вили гнезда за колоннами хозяйского дома. Чирикали себе всякие, сидя на ветках хорошо разросшихся лип, которые были посажены еще в конце девятнадцатого века. Тогда всю Поварскую-Воровскую засадили липами, и дворник зорко следил, чтобы к не окрепшим еще деревцам у забора усадьбы никто никакую скотину не привязывал, веток не рвал, и даже угловую липу, выходящую на деревню Кудрино и подверженную всяким случайностям, огородил штакетником.

Вот прабаба Поля моя с дедом Яковом по сыновьему вызову и въехали в усадьбу. Красиво звучит — въехали в усадьбу! Вселились в подвал! Вход в наш подвал был из маленького дровяного дворика с калиткой, через которую сгружали дрова. Он так официально и назывался — дровяной дворик. Раз в неделю подъезжала подвода и не со стороны Поварской, а сбоку, через внутренний двор имения Олсуфьевых или Соллогубов (по фамилии владельцев в разные времена). Калитку по сигналу открывали и разгружались. Около входа всегда было навалено поленьев. Их никто не складывал, поскольку они быстро распределялись по семьям (буржуйки тогда были в каждой комнате), но вы-

*Мой прадед,
Яков Григорьевич, всегда
достойный,
молчаливый
и благородный.
1920-е гг.*

*Прабабушка Поля
в конце 1920-х,
веселая и летняя*

глядел из-за этого наш маленький дворик как-то неуютно и неухоженно. Потом построили сарай, и дрова стали складывать туда вместе со всем барахлом, а для сидения-общения перед сараем поставили беседку из белого штакетника с зеленой крышей, которую быстро окутал девичий виноград.

Разместили разросшуюся семью сначала в двух комнатах подземной коммуналки, рассчитанной всего на четыре семьи. Четыре семьи — это почти